

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Часть 1. О, этот дивный новый мир!</i>	13
<i>Глава 1. Добрый вечер, господа.</i>	13
<i>Глава 2. Подсчёт активов</i>	24
<i>Глава 3. Чудные открытия</i>	36
<i>Глава 4. Маленькие радости.</i>	47
<i>Глава 5. Рынок? Базар!</i>	59
<i>Глава 6. Новые знакомства.</i>	71
<i>Часть 2. На толстых синих мягких лапах.</i>	84
<i>Глава 1. Ученье — свет, неучёных тьма.</i>	84
<i>Глава 2. Обживаемся, обустройстваемся.</i>	95
<i>Глава 3. Синий на синем не так и заметен.</i>	107
<i>Глава 4. Меланхолия, она бывает разная.</i>	118
<i>Глава 5. Что кажется, чем окажется.</i>	130
<i>Глава 6. Никогда такого не было, и вот опять.....</i>	141
<i>Часть 3. У носорога плохое зрение, но это не его проблемы</i>	153
<i>Глава 1. Вижу цель, не вижу препятствий.</i>	153
<i>Глава 2. Не мародёрка, а сбор долгов!</i>	164
<i>Глава 3. Всё предусмотреть невозможно, а уж если ещё и не хочется.....</i>	176
<i>Глава 4. Ты — мне, я — тебе</i>	188
<i>Глава 5. Гость в дом — радость в дом.</i>	200
<i>Глава 6. Союзы разные нужны, союзы разные важны.</i>	212
<i>Часть 4. Лягушка в молоке.</i>	224
<i>Глава 1. Левел ап и его отражение в окружающей действительности.....</i>	224
<i>Глава 2. Усы, лапы, хвост... А печать?</i>	236

<i>Глава 3. По пути и по делам</i>	247
<i>Глава 4. Рассуждения и размышления</i>	259
<i>Глава 5. Сантехник, это звучит гордо!</i>	270
<i>Глава 6. Не было бы счастья...</i>	282
<i>Часть 5. Не влезай, убьёт</i>	294
<i>Глава 1. Бьют волны, а мне не больно.</i>	294
<i>Глава 2. Доктор доктору рознь</i>	306
<i>Глава 3. Правильно заданный вопрос не подразумевает отсутствия ответа</i>	318
<i>Глава 4. Утренники и вечеринки</i>	330
<i>Глава 5. Новости и безвести.</i>	342
<i>Глава 6. Броня крепка и носороги быстры</i>	353
<i>Эпилог</i>	366

ПРОЛОГ

Эта история началась поздним вечером, в ничем не примечательной квартире обычного доходного дома в Рестэнде, когда стоявшие в гостиной на каминной полке бронзовые часы со скульптурой восточной красавицы с кувшином в руках, звонким боем отметили наступивший девятый час. За окном царила промозглая поздняя осень, окунувшая улицы Тувора в непроглядный туман, плотный настолько, что свет газовых фонарей оказался не в силах дотянуться до земли, и пламя, бьющееся в стеклянных клетках на вершинах вычурных фонарных столбов, словно растворялось в мутном белёсом мареве. В такую погоду стоит пробыть на улице хотя бы полчаса, и одежда тяжелеет, становясь неприятно сырой, грозя своим хозяевам скорой инфлюэнцей, а полы даже самого плотного шерстяного пальто начинают «плакать» редкими каплями мутной воды.

Хозяин квартиры совсем не желал испытать все прелести туврской осени на себе и благоразумно коротал этот вечер дома, в кресле у камина, под глоток горячего чая, сдобренного толикой терпкого тернового бальзама, листая новую книгу молодого, но уже известного писателя. На диво бойкого и живого пера, стоит отметить... хоть автор и иностранец.

Нет, читатель вовсе не был снобом и не считал, что цивилизация кончается на рейде Дортмута, хотя в силу

своего опыта имел некоторые основания для подобного мнения... Просто книга, которую он с таким интересом листал, повествовала о традициях родной страны, какими их увидел тот самый автор-иностранец. И это действительно было интересно...

— Гейс*, к вам посетитель. — Неслышно появившийся на пороге дворецкий протянул хозяину дома серебряный поднос, на котором одиноко белел прямоугольник визитной карточки.

Хозяин квартиры не торопясь отложил книгу на столик, не забыв заложить нужную страницу закладкой, сплетённой из кожи антилопы, так же не спеша вытащил из жилетного кармана и нацепил на нос пенсне в тонкой серебряной оправе, и лишь после этого взял в руки принесённую ему карточку.

Прочитав значившееся на ней имя, набранное слишком мелким и затейливым шрифтом, он пожевал губами в коротком раздумье и, глянув на дворецкого поверх стёкол пенсне, кивнул.

— Проси. Узнаем, что на этот раз понадобилось нашей доблестной полиции от отставного военного врача, — еле слышно хмыкнув, проговорил он.

Здесь стоило бы уделить внимание личности хозяина квартиры. Худощавый человек, лет тридцати пяти — сорока, с обветренным жёстким лицом, на котором, правда, время от времени появлялась открытая улыбка, совершенно разрушавшая первое впечатление о её обладателе, обычно выглядевшем весьма суровым человеком, взгляд которого многие знавшие его люди оценивали не иначе, как пустой и холодный. Впрочем, каким ещё может быть взгляд человека, без малого десять лет штопавшего дырки от пуля, рваные, резаные

* *Гейс* — вежливое обращение к мужчине, принятое в Закатной империи.

и колотые раны солдат в колониях, там, где мир — понятие настолько хрупкое, что даже само это слово звучит крайне редко. Из боязни испортить его, не иначе... как порой усмеялся сам воюющий доктор, вспоминая суеверия некоторых своих предков, переселившихся в зелёные долины Шотта с Северных островов ещё в те времена, когда Империи в этих местах и в помине не было. А была здесь лишь россыпь мелких королевств, то оборонявшихся от набегов северян, то воевавших друг с другом за заливной лужок или деревеньку в пять домов.

Но служба в экспедиционном корпусе Его Величества осталась для доктора позади, подарив на память лёгкую хромоту да небольшой пенсией, и военный врач, капитан Трой Ф. Дорвич, став гражданским человеком, впервые в жизни оказался озадачен вопросом, с которым прежде никогда не сталкивался. Где жить?

При выходе в отставку он как ветеран получил от командования открытый билет на Королевские линии, предъявив который в кассах любого имперского порта — воздушного ли, морского, мог отправиться по своему выбору либо в Новые владения Короны, либо в бывшую метрополию. По недолгому размышлению доктор Дорвич решил выбрать старый добрый Тувор — «Сердце Империи», как выпенренно именовали прежнюю столицу в газетах... или «Каменный мешок», как предпочитали называть его служившие с доктором офицеры и солдаты из Новых владений, хоть раз бывавшие в прежней столице.

Не то чтобы доктор Дорвич так уж мечтал о тихой и размеренной жизни в Тувре, но, подсчитав имеющиеся и доступные финансы, состоявшие из пенсии и небольшого дохода от родительского имения, и сравнив получившуюся сумму с ценами в двух столицах, почерпнутые из разговоров с солдатами, он пришел

к выводу, что жизнь в Старом Тувре обойдется ему куда дешевле, чем в Новых владениях. О возвращении же в родовое имение Дорвич и не помышлял.

От одного воспоминания о доме, вечно кишащем заглядывающими «на огонёк» родственниками, а пуще того родственницами, почтенного доктора медицины ощутимо передёргивало. А потому ему достаточно было того, что дворецкий Капс еженедельно списывался с управляющим, и от имени хозяина отдавал тому указания, благо и сам слуга был родом из тех же мест и прекрасно знал все тонкости деревенской жизни.

И вот доктор Трой Ф. Дорвич уже пять лет проживает в Тувре, в тихом и спокойном районе Рестэнд. С утра ведёт необременительную практику, к двум часам пополудни заканчивает приём и отправляется в клуб «Уоргрэйв», где собираются такие же, как он, ветераны из сиддских колоний. Там он обедает в компании отставного полковника лёгкой кавалерии Блаттона — немногословного и саркастичного полуальфа, и артиллерийского капитана Верденнаура из легендарного Второго огневого — квадратного и громогласного, как и положено истому гному. После обеда — карты или бильярд, беседы на отвлечённые темы со знакомыми офицерами и сержантами, единственным ограничением на которые были... колонии.

Здесь никто и никогда не говорит о Сидде, не рассказывает баек о службе и не вспоминает погибших, хотя мраморная доска с выбитыми на ней именами, по слухам, расположенная в часовне во внутреннем дворе здания клуба, содержится в идеальной чистоте, и время от времени пополняется новыми именами. «По слухам», потому как сам Дорвич в той часовне ни разу не был. А при встрече с приходящим для отправления службы викарием лишь сухо раскланивается с бывшим

уррент-сержантом Восемнадцатого пехотного полка, и тот отвечает ему с такой же молчаливой холодностью. Разве что иногда с уст викария срывается совсем не пастьырское солёное словцо в адрес почтенного доктора, но такое обычно бывает лишь после того, как, отслужив в часовне, бывший уррент пропускает стаканчик-другой горячительного в буфете клуба.

Ужинает доктор Дорвич обычно дома, не позже восьми вечера, после чего, если позволяет погода, отправляется на прогулку, либо устраивается в гостиной у камина с книгой, чаем и «вечной», никогда не выпиваемой до дна, рюмкой тернового бальзама из запасов, пополняемых за счёт посылок из имения.

Так было и сегодня, когда чтение очередного произведения многословного пикардийца* было прервано появлением дворецкого Капса с сообщением о визите полиции.

— Доброго вечера, доктор.

Приведённый дворецким инспектор — одышливый, но весьма шустрый толстячок с роскошными бакенбардами и располагающей физиономией доброго дядюшки, решительно пересёк гостиную и, бросив шляпукотелок и перчатки на стол, остановился в двух шагах от кресла, в котором сидел Дорвич, заставив того задрать голову, чтобы взглянуть в лицо возвышающемуся над ним гостю. Надо признать, иного шанса заставить доктора смотреть на него снизу вверх у инспектора и не было. Ввиду наследия хафлингов, проявившегося в нём нехарактерно сильно для квартерона, ростом инспектор едва ли дотягивал до пяти стоп, тогда как хозяин дома превосходил его более чем на голову в самом прямом смысле этого выражения.

* *Пикардиец* — подданный Франконии, проживающий или происходящий родом из земель прибрежного герцогства Пикард.

Впрочем, эта невежливость инспектора полиции не произвела на хозяина дома никакого впечатления. Доктор Дорвич вообще был снисходителен к чужим слабостям. А потому в ответ он лишь покачал головой и, бросив короткий взгляд на заляпанные грязью ботинки и брюки гостя, указал ему на кресло напротив.

— Доброго вечера, инспектор Джейсс. Присаживайтесь поближе к огню, согрейтесь. Погода нынче премерзнейшая, бегая целый день по улицам и простудиться недолго, уж поверьте врачу, — проговорил Дорвич и повернулся к дворецкому, скользнувшему к столу и явно нацелившемуся на шляпу и перчатки гостя, которые тот не соблаговолит отдать ему при входе. — Капс, подайте инспектору чаю с бальзамом.

— Благодарю вас, доктор, — благодарно кивнув, улыбнулся гость, с пыхтением устраиваясь в кресле. — На улице и в самом деле ж-жуть как холодно. А я целый день на ногах. То ограбление в Пампербэй, то налёт на почтовую станцию в Блэкхилл, потом массовая драка в Дортмутских доках... Такое впечатление, что все преступники разом решили выйти сегодня на промысел!

— Очевидно не все, раз вам удалось выкроить время и навестить ипподром, а? — улыбнулся доктор.

— Даже не буду спрашивать, как вы догадались, — после небольшой паузы фыркнул инспектор.

— Скажем так, вам давно следовало бы избавиться от привычки прятать букмекерские квитанции в шляпу, инспектор, — Дорвич поднял со стола выпавшие из котелка гостя бумажки характерного голубоватого цвета. Джейсс сконфуженно вздохнул, и доктор решил сменить тему. — Итак, что вас привело в мой дом... сегодня?

— Совершенно странный случай, доктор! — всплеснув руками, инспектор с готовностью переключился на другую тему. — Вы же знаете, со всеми инициативами

нашего Парламента у Шоттского двора* вообще и вашего покорного слуги в частности изрядно прибавилось головной боли. Чего стоит один билль о свободном поселении в землях метрополии! Стоило его величеству утвердить этот драххов документ, как поток переселенцев из колоний буквально захлестнул наш старый добрый Тувор. И ладно бы сюда ехали законопослушные обыватели, так ведь нет! Им и в колониях живётся неплохо, а в мой город устремились совершеннейшие лишенцы! Бандиты, воры, попрошайки и мошенники всех мастей... Верите ли, только вчера вечером мой помощник закончил подготовку отчёта для Королевской комиссии, где чёрным по белому написано о росте числа преступлений в Тувре и связи этой отвратительной тенденции с прибывающими в порт транспортами из колоний! А сегодня, лишь по результатам одной только массовой драки в Дортмутских доках, нами было задержано более пятидесяти субъектов, из которых тридцать восемь прибыли в Тувор из этих драхховых колоний! И это я ещё не считаю сбежавших с места происшествия!

— Понимаю ваше возмущение, инспектор, и, поверьте, всецело его разделяю, — невозмутимо выслушав собеседника, доктор Дорвич вклинился в его полную искреннего возмущения речь как раз в тот момент, когда гость на миг прервался, чтобы отдышаться и сделать глоток чая. — Но от меня-то вам что нужно?

— Пф, — инспектор отставил в сторону чашку и, нервно расправив широкой ладонью пышные бакенбарды, шумно выдохнул. — Простите, доктор. Накипело, да... Собственно, я к вам пришёл как к известному

* *Шоттский двор* — Туврский департамент полиции, бывший ранее Королевским полицейским управлением, но лишившийся этого статуса после перевода столицы Империи в Новые владения Короны.

знатоку, забывшему о колониях больше, чем когда-либо знал любой из наших кабинетных учёных.

— Вы мне льстите, инспектор, — едва заметно дёрнул краешком губ Дорвич.

— Если только самую капельку, гейс, — развёл руками его собеседник. — Видите ли, в результате этой драхровой стычки в доках пострадало несколько разумных. Мои люди, разумеется, доставили их в госпиталь Святого Лукка, но там возникли некоторые сложности с составлением протоколов. Мы оказались не в состоянии опросить одного из пострадавших, поскольку этот синий бедолага не говорит ни на одном известном наречии! Да к драхху! Мы даже не смогли определить по его внешнему виду, к какой расе принадлежит это «чудо». Вот тут я и вспомнил о вас, доктор Дорвич. Вы же известный полиглот и знаток народов, населяющих восточные земли. Может быть, сумеете разговорить наш «подарок»?

— Сейчас? — Дорвич покосился на окно, за которым в полной темноте наступившей ночи шумел ливень и грохотал гром, и перевёл скептический взгляд на собеседника. А когда тот энергично кивнул, печально вздохнул.